

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Пролог

Уже неделю подряд, не переставая, лил холодный дождь. Изо дня в день в окне виднелась одна и та же мрачная картина: пышная зелень сада занавешена мутной серой пеленой, небо в свинцовых тучах, мокрая трава прибита к земле, на дорожках непросыхающие лужи в вечных кругах от падающих капель. Дом казался стылым и промозглым, словно глубокой осенью — а ведь на дворе была только середина июля, по идее самое жаркое время в году. Черт знает что творится с погодой, никакого лета...

Впрочем, в библиотеке, где он сидел, холод совсем не ощущался. Наоборот, благодаря топившемуся столько дней подряд камину здесь было тепло, пожалуй, даже слишком тепло, и очень душно. Но человек, с удобством расположившийся в придвинутом к каминной решетке кресле, казалось, совсем не чувствовал

жары и не открывал окон. Пушистый мохеровый плед в светло- и темно-коричневую клетку укрывал его колени, пламя, весело плясавшее на березовых поленьях, отбрасывало багровые отсветы на его лицо, отчего в полутьме библиотеки оно выглядело особенно бледным.

Человек сидел здесь, не вставая, уже несколько долгих часов, и, взглянув на него со стороны, можно было бы подумать, что он заснул, разнежившись в натопленной комнате. Но ничего подобного! Человек не спал и даже не дремал. Он *работал*, и работа эта — как всегда — требовала от него бесконечной собранности и наивысшего напряжения всех душевных сил, а полуприкрытые глаза лишь помогали сосредоточиться.

Как это уже нередко случалось, усиленная работа мысли привела к головной боли. И человек воспринял это как должное. Подобное состояние, похожее на тяжелый дурман, пограничное между сном и явью, было ему хорошо знакомо. Он привык относиться к нему как к неизбежной плате за успех своей *работы*. Так уж устроен этот мир, ничего не дается даром — и чужая жизнь, чужая молодость тем более...

Огонь в камине вспыхнул последним всполохом, прощальным аккордом музыки догоревших поленьев, и угас. Тотчас подкралась темнота, протянула к человеку руки, исподтишка взяла за горло, и он понял, что новой мысленной схватки, нового жаркого, хоть и безрезультатного спора с невидимым противником не избежать.

Кто-то мог бы назвать его воображаемого собеседника совестью, кто-то — нравственной стороной личности, существующей в каждом из нас, но сам человек предпочитал именовать это зыбкое непонятное «не-что» своим *оппонентом*. Человек боялся его и одновременно нуждался в нем. И если первый факт он не признал бы ни за что и никогда, то со вторым, пожалуй, готов был согласиться. Хотя для себя он определял это приблизительно так:

«Наши споры забавляют меня. И добавляют в мое дело еще большей остроты. Пожалуй, мне было бы скучно без этих разговоров...»

И потому каждый раз, когда был занят *работой* или еще только готовился к ней, он стремился уединиться в саду, в лесу или в той же библиотеке, с волнением ожидая прихода невидимого собеседника. Неважно, являлся ли тот в облике отца, изображенного на потемневшем от времени портрете над камином, или же в виде загадочного голоса, доносившегося неведомо откуда, или просто как слабый внутренний протест, еле слышный сквозь поток его собственных саркастических возражений, он все равно знал: их диалог будет долгим, аргументы весомыми, спор бурным и интересным, но бесполезным. Окончится он в любом случае его, человека, победой. Иначе не случалось еще ни разу — да и могло ли вообще быть иначе?

Голова болела все сильнее, и человек в кресле наконец-то пошевелился. Такая головная боль была

верным знаком того, что собеседник его вот-вот появится, вот-вот заговорит. Отчего же сегодня он медлит?..

— Ты здесь? — нетерпеливо спросил человек, глядяваясь воспаленными глазами в полумрак.

И, видимо, ему что-то послышалось в тишине — нечто похожее на еле различимый вздох.

— Значит, здесь, — удовлетворенно кивнул человек в кресле. — Почему же ты молчишь? Или не знаешь, что я только что начал новый проект? Тебе что, совсем не жалко его? Того, над кем я сейчас *работаю*?

— Если я скажу, что мне жаль его, как и всех остальных, — осторожный шепот, казалось, был не более чем дуновением ветра за окном или шорохом чуть вздрагивающих от сквозняка занавесок, — разве ты остановишься? Разве послушаешь меня?

Человек засмеялся. В голосе его, когда он вновь заговорил, явственно звучало самодовольство сытого кота, который только что вдоволь наигрался с мышкой, то отпуская ее, делая вид, что отпускает, но тотчас схватывая вновь, едва она попытается убежать.

— Ну, разумеется, нет! Не послушаюсь и не остановлюсь... Это хорошо, что ты наконец-то начинаешь понимать меня. погоди, вот увидишь: ты станешь еще моим сторонником. Ты поймешь, что эти жалкие людишки не стоят того, чтобы их жалеть. И еще ты поймешь, что моя технология — величайшее, даже, может быть, самое главное открытие человечества...

Собеседник не отвечал. И тишина в комнате в этот миг стала густой, чернильной, почти осязаемой, с привкусом безысходности и страха. Головная боль сделалась почти невыносимой, но человека в кресле сейчас беспокоила не она, а непонятное молчание вечного противника. Его сегодняшний тихий голос и отсутствие возражений показались странными, подозрительными и даже словно бы угрожающими.

— Ты здесь? — снова тревожно спросил человек. И, не получив ответа, вдруг неожиданно для себя пожаловался: — Знаешь, я очень устал. Думаешь, это легко — каждый раз находить подходящую жертву, действовать по всем правилам и никого не допускать до постижения этих правил?.. Думаешь, просто вершить чужие судьбы по законам собственной справедливости?

— Так оставь их в покое, эти судьбы, — колыхнулся в комнате знакомый шепот. — Ты и правда устал. Отдохни.

— Ну не-е-ет, — упрямо, словно капризный ребенок, протянул человек. Он рад был услышать новые возражения, вновь ощутить азарт спора, из которого непременно выйдет победителем. — Отказаться от моего дела? Ни за что! Без него мне и жизнь будет не в радость!

— Ты противоречишь сам себе, — тихий голос доносился теперь откуда-то из-за массивного шкафа красного дерева, где на полках чуть виднелось в полутьме золотое тиснение на обложках старинных книг. — Ты нашел способ красть у других людей их жизнь. Их молодость, их здоровье, их успех, их богатство...

— Богатство мне не нужно! — перебил человек. — Ты же знаешь, деньги давно перестали быть для меня целью. Да никогда и не были. Они лишь средство, позволяющее мне существовать так, как я хочу!

— Пусть ты и не стремишься к богатству, — согласился невидимый оппонент. — Но это несколько не оправдывает тебя. Ты силен, бодр и даже, можно сказать, молод лишь потому, что украл все это у других. У тех, кому оно принадлежало по праву. И сам говоришь, что взял это только для того, чтобы снова и снова красть чужие жизни!

— Это не кража, а возмездие, — человек издал что-то похожее на смешок. — Своеобразное наказание за грехи. Ты же знаешь, моя технология позволяет иметь дело лишь с теми, кто грешен.

— А ты мнишь себя Богом и берешь на себя право решать, кто в чем грешен и кто и за что должен быть наказан? — Голос переместился теперь ближе к камину и звучал саркастично.

— Ну а если и так? — усмехнулся человек в кресле. — Если технология, которую я изобрел, действительно приблизила меня к богам?

— Тогда тебе стоило бы прежде всего научиться творить добро. Боги всегда справедливы. Они не только карают, но и награждают. Боги милосердны.

— Кто тебе сказал такую чушь?

— Это не чушь. На этом держится мир. Ты уже слишком много сделал зла, слишком много украл чужих жизней, их хватит тебе надолго. Пора задуматься

о том, как искупить свою вину. Начни с того, что пожалеешь жертву, которую себе наметил. Отпусти его!

— Ишь, чего захотел! — снова усмехнулся человек. — Ну уж нет. Как раз этого, последнего, я тебе ни за что не уступлю. Этот проект будет особенным; я давно готовился к нему, давно его ждал... Предыдущий замысел был слишком прост, и жертва оказалась неинтересной: она почти не сопротивлялась. А этот... о, этот будет самым изысканным блюдом в моей трапезе! Если хочешь, десертом. Шоколадным суфле. Ванильным мороженым. Сырным фондю. Или, лучше даже, бокалом коньяка «Хеннеси». Ты же знаешь, как я люблю настоящий французский коньяк...

Тишина вновь сгустилась вокруг человека в кресле, но теперь она больше не пугала его. Голова вдруг почти перестала болеть, неудержимо потянуло в сон, и воображаемый противник больше не внушал страх. Человек поворошил угли в камине тяжелой старинной кочергой, слабые огоньки в золе осветили его склонившееся лицо. В последнем треске догорающих угольков ему послышался настойчивый шепот:

— И как же зовут твою новую жертву?

— Да какая тебе разница, право!

И, поглубже усаживаясь в свое низкое кресло, еще выше натягивая на себя уютный клетчатый плед, человек пробормотал уже совсем невнятно, погружаясь в глубины сна, который — он был уверен в этом — непременно принесет ему исцеление от головной боли и полное забвение нынешнего разговора:

— Я скажу тебе только, что у него сейчас в жизни все очень хорошо. Так хорошо, что это даже кажется ему неестественным... Ты часто упрекал меня в жестокости, но я совсем не жесток, я просто справедлив. Как боги... И даже где-то милосерден. Пусть он порадуется жизни напоследок. Пусть ощутит себя богачом, прежде чем начнет платить по счетам... Это и есть высшая, главная справедливость...

Ответа человек в кресле уже не слышал. Уронив голову на грудь, он тихо спал, освещаемый еле теплящимися огоньками догорающего камина.

Часть I

Глава 1,

в которой Виктор Волошин предчувствует, что посуда не всегда бьется к счастью

Тот, кого наметил своей жертвой человек в кресле у камина, разумеется, и понятия никакого не имел об этом странном разговоре. У него действительно все было хорошо. Однако не в том смысле, который навязывает телевизионная реклама, где неперемнными атрибутами счастья для мужчины средних лет служат жена с внешностью фотомодели, двое прелестных детишек и светящаяся здоровьем породистая собака, щенок которой стоит несколько тысяч долларов. Ни жены, ни детей, ни собаки у Виктора Волошина к тридцати шести годам не имелось. Впрочем, он в них и не нуждался. Он дорожил своей свободой, и его вполне устраивал образ жизни состоятельного холостяка, который он вел.

Виктор проснулся оттого, что теплый солнечный луч, невесть каким путем ухитрившийся пробиться

в комнату через жалюзи, ласково мазнул его по лицу. Волошин улыбнулся, открыл глаза и оглядел спальню. Вопросы «Где это я?», который на подсознательном уровне посещает в первые секунды большинство людей, просыпающихся вне дома, не возникло. Граница между сном и явью у него всегда была очень четкой и резкой. Да и небольшая уютная спальня в мягко-серых и фисташковых тонах, вся уставленная милыми безделушками, была хорошо ему знакома.

Он повернул голову вправо и вновь улыбнулся. Пытаясь спрятаться от назойливого луча солнца, Аллочка, не просыпаясь, отодвинулась в самый дальний угол широкой кровати и забавно морщилась во сне. Даже сейчас, при ярком дневном свете, ее лицо, лишенное всех этих женских косметических тайн, выглядело свежим и привлекательным. Светлые волосы как-то особенно красиво смотрелись на фоне зеленоватого шелка постельного белья и – Виктор знал это наверняка – на ощупь оказались бы такими же теплыми, как нахальный солнечный луч.

Однако Волошин не стал этого проверять. Он откинул простыню, заменявшую ему по причине жары одеяло, легким упругим движением соскочил с постели и с удовольствием потянулся. Дома он, возможно, сделал бы несколько гимнастических упражнений, но здесь, на небольшом пространстве девичьей спальни, среди сувенирных игрушек и расставленных повсюду композиций из сухих цветов, это было не слишком удобно. Впрочем, в отличие от большинства друзей и знакомых из «своего круга» Виктор не был помешан

на спорте и здоровом образе жизни. Он почти не бывал в фитнес-клубах, не качался на тренажерах и посещал бассейн, теннисный корт и сауну исключительно ради собственного удовольствия. Но природа была к нему благосклонна, что Волошин лишний раз отметил, бросив довольный взгляд в зеркало стенного шкафа-купе. Фигура не заплывла жиром, на складки по бокам, именуемые на простонародном жаргоне крыльями, не было и намека, живот — ну практически — не был заметен. В общем, и на пляже показаться не стыдно, и никакие «качалки» не нужны. И если не обращать внимания на рост (сто семьдесят шесть сантиметров, конечно, маловато для современного мужчины), то можно быть вполне довольным собой.

Почувствовав его движение, Аллочка заворочалась в постели и сонно пробормотала:

— Сколько времени?

— Без четверти семь! — бодро отвечал он.

— Ой, еще так рано! Что же ты поднялся ни свет ни заря? Еще целый час можно спать...

— Нет, мне пора. Ты же знаешь, мне надо заехать домой переодеться. — Виктор уже направлялся в сторону ванной.

— Сварить тебе кофе?

— Ну конечно! Неужели ты хочешь, чтобы твой шеф пришел на работу злой и голодный?

С удовольствием подставив тело упругим прохладным струям, Волошин мельком подумал о том, что в общем-то зря заставил девушку вылезти из постели. Вчера они до полуночи засиделись в ресторане и легли

поздно, а уснули, как водится, еще позже. И сейчас он прекрасно мог бы дать Аллочке еще немного поспать, а сам поехать завтракать домой или перекусить по дороге. Тем более что ему вовсе не нужно было появляться в офисе ровно в десять, как это требовалось от главного бухгалтера Комаровой. Но все-таки он снова применил свою власть и не испытал из-за этого никаких угрызений совести. В конце концов, она женщина и просто обязана заботиться о нем, если хочет, чтобы их встречи — милые, ненапряжные и вполне устраивающие обоих — и дальше повторялись с регулярностью приблизительно раза, изредка двух, в неделю.

Волошин знал, что Аллочке хотелось бы большего. Хотелось бы стать супругой шефа со всеми вытекающими из этого положения привилегиями. Или получить статус гражданской жены и перебраться в его шикарную двухэтажную квартиру. В крайнем случае хотя бы перевести их отношения на легальное положение и перестать скрываться от сослуживцев. Но самому Виктору все это было совершенно ни к чему. Три года назад, когда его фирма расширилась до такой степени, что возникла необходимость разделить должности финансового директора и главного бухгалтера, и одно из крупнейших столичных кадровых агентств прислало к нему соискательницу Комарову, Волошин сразу увидел, что эта молодая женщина может стать ему хорошим партнером не только по бизнесу, но и по отдыху. Однако не больше. Он дал это понять Аллочке на первом же собеседовании, и та полностью приняла его правила игры. Встречалась с ним по первому же его

требованию в любое удобное ему время (ни разу за все три года он не услышал в ответ «Извини, но сегодня не могу, занята»), никогда ни о чем не просила, никогда в открытую ни словом не обмолвилась о своих планах на совместное будущее — так, лишь редкие намеки, настолько тонкие, что их вроде бы словно и не было. С Аллочкой он чувствовал себя комфортно, она неизменно была обворожительна и тактична и не мешала в его жизни ничему. Виктор существовал так, как ему нравилось, заводил параллельные интрижки, встречался и ездил в отпуск с кем хотел, безо всяких отчетов и обязательств. Волошина это вполне устраивало, но в то же время он чувствовал, что не может полностью доверять этой женщине в жизни, так, как доверяет ей в работе. Он догадывался, что Аллочка ведет свою хитрую политику, и постоянно ждал от нее подвоха. Забавлялся, наблюдая, с каким серьезным видом она штудирует статьи в женских журналах, рассказывающие о секретах обольщения мужчин, и был уверен, что ее поведение — лишь терпеливая и хорошо продуманная тактика. И, находясь рядом с Аллочкой, постоянно помнил о том, что она только притворяется нежной и покорной, а на самом деле лишь ждет удобного момента, чтобы вцепиться ему в горло — точь-в-точь как конкуренты в бизнесе, да что там конкуренты, даже партнеры. Сейчас жизнь пошла такая, только чуть зазевайся — и сожрут...

Но пока Волошин был начеку и не позволял себе расслабляться, все выходило по его — и в бизнесе, и в отношениях с Аллочкой. И когда он, чисто вымы-

тый и благоухающий гелем для душа с запахом лотоса и иланг-иланга, вышел из ванной и оделся, из кухни уже тянуло ароматом свежесмолотого кофе и поджаренного в тостере хлеба.

Уютное двухкомнатное гнездышко Алочки находилось в Мневниках, на самом берегу Москвы-реки. До Гоголевского бульвара, где жил Волошин, отсюда рукой подать, если, конечно, не мешают пробки. Но в то раннее утро последней пятницы июля улицы были еще относительно свободны. Разве что в сторону области уже потянулись первые дачники, но их тоже пока ехало немного. Как любой автомобилист, Виктор знал, что с каждым часом число уезжающих из города на уик-энд начнет увеличиваться и к вечеру машины сольются в сплошной еле ползущий поток неимоверной густоты, который поредет лишь к поздней ночи, чтобы возобновиться ранним утром в субботу... Как хорошо, что ему не надо сегодня ехать за город!

Минут через двадцать синий «Вольво XC90», краса и гордость Волошина, уже домчал хозяина к дому. Виктор оставил верного коня на закрепленном за ним месте стоянки, вошел в подъезд и приветливо поздоровался с консьержкой. Сегодня дежурила Евгения Михайловна — круглолицая, румяная и улыбчивая женщина лет шестидесяти. Волошин всегда с удовольствием перекидывался с ней парой слов и как-то даже признался, что, будь он посуевернее, считал бы утреннюю встречу с ней приметой удачного дня.

— Здравствуйте, Виктор Петрович, — улыбнулась в ответ консьержка, совершенно не замечая того, что

жилец в такое время входит в дом, а не выходит из него. Этой женщине как-то удавалось быть приветливой и внимательной со всеми, но при этом оставаться на редкость тактичной и не совать нос в чужую интимную жизнь.

— Доброе утро, Евгения Михайловна, — отвечал тот. — Вы сегодня просто обворожительны! И это новое платье вам очень к лицу.

— Скажете тоже! — счастливо зарделась женщина. — Какое оно новое... Который год ношу. Просто надела первый раз за сезон. Наконец-то потеплело!

— И не говорите! Я уж думал, лето совсем отменили. Июль на исходе — и только-только жара началась...

Квартира встретила Виктора тишиной и прохладой — окна выходили не на солнечный бульвар, а на затененный деревьями двор, что в наступившую все-таки в этом году летнюю жару было незаменимым достоинством. Зимой, конечно, здесь иногда казалось мрачно-вато, но ведь на этот случай существуют лампы дневного света. Да Виктор почти и не бывал в своей квартире днем. Когда у тебя собственный крупный бизнес в недвижимости, рассиживаться дома некогда.

В разговорах с друзьями и подругами Волошин обычно именовал свое жилище «бедной хижинкой», «скромной обителью» или «холостяцкой берлогой». Но в действительности он очень гордился своей квартирой, наверное, не меньше, чем автомобилем. В самом центре, в благоустроенном доме, два этажа, три спальни, столовая, гостиная, кабинет, огромный холл, просторная кухня, две ванны — совсем неплохо даже

для владельца преуспевающей риелторской компании. Правда, мать, когда попадала сюда, всегда сокрушалась: «В таких хоромах, Витя, и один!» Но он не придавал особого значения ее словам, как и не чувствовал себя на этом просторе одиноко. По вечерам и в выходные у Волошина часто собирались друзья и знакомые. Некоторые из них оставались ночевать — для этой цели предназначались две гостевые комнаты наверху, которым потом, в далеком будущем, предстояло стать детскими. Уборкой занималась, разумеется, домработница, приходившая через день.

Подойдя к гардеробной, Виктор раздвинул створки и вдумчиво принялся изучать содержимое. Сегодня его ожидала очень важная встреча, и многое зависело даже от выбора костюма. Именно за этим занятием и застал его телефонный звонок.

«Мама», — понял Виктор, бросив быстрый взгляд на дисплей. Валентина Васильевна всегда звонила ему только домой или на работу — исключительно на городской телефон. Мобильной связи она принципиально не признавала, почему-то считая ее крайне вредной для здоровья.

— Да, мама, слушаю тебя, здравствуй!

— Доброе утро, Витя. Я тебя не разбудила?

— Ну что ты! Я уже давным-давно на ногах! — с готовностью признался Виктор.

— Я звонила пятнадцать минут назад, но никто не взял трубку, включился автоответчик.

— Да, я принимал душ. — Посвящать Валентину Васильевну в тонкости своих взаимоотношений с пре-

красным полом Волошин не собирался. — Как твои дела, мама?

— Вот приехал бы и сам посмотрел, как наши дела, — отвечала она с мягким упреком. — Ведь ты уже три недели не был у нас в Привольном. Юру присылаешь, а сам не едешь.

Виктору стало совестно. Неужели уже три недели? Ну да, действительно... Как же быстро летит время!

— Я обязательно приеду, мама, — заверил он. — Сегодня у меня важные переговоры... С итальянцами. А потом, если все получится, мы с ребятами решили сразу же после подписания контракта пойти в отпуск. И тогда я приеду. Обязательно. Честное пионерское.

Распрощался с мамой и заторопился в офис — до встречи с итальянцами оставалось не так уж много времени.

Переговоры прошли успешно, даже более успешно, чем предполагал Волошин. Он ожидал, что итальянцы будут мяться, тянуть время, искать, к чему бы придраться, — но господин Гвадалуччи, похожий на вырезанную из орехового дерева марионетку, сегодня донимал его вопросами не более получаса, после чего, переглянувшись с сопровождающими, вытащил из кармана пиджака стильную чернильную ручку и подмахнул документы. С этого момента одна из знаменитых итальянских фирм с музыкальным названием «Канцони» становилась арендатором особняка в центре Москвы, в Большом Гнездиновском переулке, площадью более трех тысяч квадратных метров. Этот контракт принес агентству недвижимости «АРК» почти два миллиона

долларов в год — не так уж и плохо для одной сделки. Подфартило, можно сказать.

Последнее время ему, Виктору Волошину, действительно везло. Везло настолько, что это иногда его настораживало и даже пугало. Впрочем, такое ощущение лишь доказывало то, что был он человеком здравомыслящим, самокритичным, не склонным к ожиданию чуда и привыкшим рассчитывать в жизни только на себя.

Виктор любил повторять, что сделал себя сам, хотя, если быть до конца откровенным, это все-таки было некоторым преувеличением. В том, как многого он достиг, была заслуга не только его, но и его родителей. Волошин прекрасно отдавал себе отчет в том, что не смог бы ничего добиться без помощи отцовских денег и связей на старте, без того воспитания, которое ему дали. Он родился в семье крупного чиновника, был поздним и единственным ребенком — когда он появился на свет, его матери, Валентине Васильевне, уже минуло сорок два, а отец Петр Викторович полгода как отпраздновал пятидесятилетие. Как-то раз во время откровенного разговора Виктор поинтересовался у матери, почему они так поздно обзавелись ребенком. Валентина Васильевна нахмурилась, была явно недовольна вопросом и сначала попыталась отделаться ничего не значащим ответом: «Так получилось». Однако сын продолжал настаивать, и в конце концов мать рассказала, что они с отцом прожили в браке почти пятнадцать лет, прежде чем сумели произвести его на свет. Она уже думала, что бесплодна, и даже пыталась

лечиться, но «ты ведь сам знаешь, какая раньше была медицина»... И получилось все только тогда, когда она, по совету соседки, сходила в храм на улице Димитрова и поставила свечу к иконе святых Иоакима и Анны, родителей Богородицы. Сделала она это тайком от супруга, тот, как всякий партийный деятель, был атеистом, да и сама она не слишком верила в успех, но к тому времени уже совершенно отчаялась, и вот, кто бы мог подумать — помогло...

Волошин часто размышлял о том, что ничего бы не достиг в жизни, будь у него иное воспитание. Действительно, в любой другой семье долгожданного и единственного сына заласкали бы и избаловали, вырастили маменькиным сынком, привыкшим к тому, что все его прихоти исполняются, а сам он не должен для этого даже пальцем пошевелить. Но в случае с Виктором — и он искренне считал это своим везением — все вышло иначе. И отец, бывший заместителем секретаря райкома, и мама, педагог с огромным стажем, обладали характерами сильными и твердыми и баловать сына, потакая его капризам, были не склонны. «Мы растим из тебя настоящего мужчину!» — повторяли они. Витю специально отдали не в ту школу, где работала мать, чтобы ему не было поблажек, а в другую, очень приличную, бывшую на хорошем счету, с преподаванием ряда предметов на английском языке. Родители никогда не ходили к его учителям, кроме как на обязательные собрания, не задаривали преподавателей подарками и не выклянчивали для сына хорошего аттестата. Институт Виктору позво-

лили выбрать самому и в старших классах наняли ему репетиторов — но тех, кого отец отбирал сам, кто действительно давал знания и заставлял много заниматься, а не брал деньги только за то, что способствовал легкому поступлению. И Виктор гордился тем, что попал в Финансово-экономический и окончил его самостоятельно, без содействия родителей, как это было у многих студентов, его сокурсников, кому папы и мамы просто покупали отличные оценки.

После того как Виктор подросток и смог объективно взглянуть на свое детство, он понял, что жил значительно лучше, чем большинство его среднестатистических сверстников. Он учился в престижной спецшколе, семья обитала в просторной квартире в новом доме на Бронной, где у Вити была своя отдельная комната. Питались Волошины по тем временам вполне прилично, продукты покупались только на рынках да в райкомовских буфетах. У них имелись все признаки материального достатка эпохи развитого застоя, включая цветной телевизор «Рубин», холодильник «Розенлев», финскую стенку, стиральную машину и чешскую хрустальную люстру. Отца возила на работу черная «Волга», на ней же семья выезжала по своим делам, в гости или на дачу в Привольное. Но при этом в детстве Виктор никогда не чувствовал себя таким же, как его одноклассники по спецшколе. На то было две причины, и обе они так и остались для него необъяснимыми по сей день.

Первой была странная неприязнь родителей, почти ненависть, к так называемым «спекулянтам» — прак-

тически единственному источнику, из которого можно было добыть модные импортные вещи: одежду, диски, кассеты, жвачку и так далее. Виктору покупалось лишь то, что можно было «достать» в отечественных магазинах и через знакомых. И когда его приятели расхаживали в джинсах «Супер райфл» и «Леви Страус», импортных водолазках, батниках на кнопках и кроссовках «Адидас», он вынужден был носить польскую подделку под джинсы из «Детского мира» и отечественные кеды. В спецшколах ученики всегда обращали повышенное внимание на то, кто как одет, и оттого юный Волошин постоянно чувствовал свою пусть не ущербность, но все же неполноценность. Даже на выпускной вечер он пришел не в модных шмотках, а в сшитом у хорошего портного (того, который шил его отцу и доброй половине райкомовских работников) темно-сером костюме. Костюм сидел отлично и произвел впечатление на девочек, но в глубине души Витя все равно продолжал завидовать другим, фирменно прикинутым ребятам. Возможно, именно это подростковое переживание и породило в нем существовавший до сих пор излишний для мужчины интерес к одежде. Он уделял ей большое внимание, выбирал свои вещи очень тщательно, а оказавшись за границей, всегда находил время, чтобы посетить лучшие бутики и приобрести себе несколько обновок.

Второй его проблемой было непонятное пристрастие родителей к даче. Все приятели Вити обязательно ездили отдыхать семьей в разные интересные места – в Прибалтику, в Крым, на Кавказ, на Азовское

море, в Карелию, в Ленинград, отправлялись в плавание по Волге на теплоходе, а кое-кто выбирался даже и за границу, например в Болгарию, на Золотые Пески. Но Валентина Васильевна и Петр Викторович, казалось, напрочь были лишены охоты к перемене мест. Каждое лето они проводили исключительно на даче, в местечке с ностальгическим названием Привольное. Когда Витя был еще маленьким, им удалось купить там половину добротного бревенчатого дома с участком в десять соток, что родители считали невероятной удачей. К дому пристроили застекленную террасу, на участке разбили клумбы и грядки, и с мая по сентябрь упорно копали, сажали, пропалывали и собирали урожай. Ни о каком семейном отдыхе с выездами не могло быть и речи. Отец говорил о близости к земле, свежем воздухе и пении птиц, мать заявляла, что не может оставить без присмотра свои цветы и овощи.

Собственно, дело было совсем даже не в том, что Вите не нравилось на даче. Наоборот, он чувствовал себя там прекрасно, тем более что на лето в Привольное всегда съезжалась замечательная компания, в которую входил и лучший друг Сашка Варфоломеев, которого все звали Варфоломеем, и две классные девочки — черноволосая, сероглазая, острая на язык Ляля и тоненькая, стройная, как рябинка, белокурая Иришка. Обе они очень нравились Виктору, и он провел немало бессонных ночей, ворочаясь с боку на бок и все пытаясь понять — в которую же из них он все-таки влюблен? И, конечно, Витя с удовольствием проводил бы лето с ними, гонял бы на велосипеде, играл в «картошку»

и в ножички, ходил купаться на озеро, собирал в лесу грибы и ягоды, а по вечерам сидел на бревнах около дома Портновых и слушал на кассетном магнитофоне «Аббу», «Бони М» и «Машину времени». Но каждое лето родители упорно отправляли его в пионерский лагерь, на две, а то и на три смены. И уже с первых школьных лет Волошина стало тошнить ото всех этих вожатых, отрядов, линейек, «Зарниц», костров, танцев, чередующихся с кино, и прочих атрибутов идеологически организованного детского отдыха. Каждую весну он умолял родителей поехать куда-нибудь отдохнуть вместе или позволить ему остаться с ними на даче, но те были непреклонны. «Привыкай к самостоятельной жизни!» – говорил отец. А мать только спрашивала: «Тебе надоел этот лагерь под Москвой? Хорошо, в следующем году мы отправим тебя на море. Может быть, даже получится «Орленок» или «Артек». И получалось. И «Орленок», и «Артек», и даже международный лагерь для детей из соцстран в той же самой Болгарии. Это, конечно, было неплохо, но все равно совсем не то... Все детство, сколько себя помнил, Виктор отчаянно скучал по родителям. Он их почти совсем не видел – круглый год они работали, а отпуск проводили без него.

Возможно, именно этот опыт и научил его быть сильным и самостоятельным. Психологической близости ни с отцом, ни с матерью у него не возникло, делиться с ними своими заботами или обращаться за советом по мелочам не было возможности, да ему и в голову такое не приходило. Он привык сам решать

свои проблемы, и эта привычка весьма пригодилась ему в дальнейшем. Он многого добился и в последнее время стал задумываться о том, что, пожалуй, вполне счастлив...

И теперь, после ухода итальянцев, мысли, теснившиеся в голове у Виктора, были одна радужнее другой. Прошли те времена, когда они, подобно множеству других фирм такого рода, занимались лишь продажей да арендой квартир и небольших офисных помещений. Теперь в их работе появляются принципиально новые направления — консалтинговые услуги, продажа целых зданий, строительство и даже покупка земли. Он давно подумывает о создании дочерней фирмы «АРКада», которая будет заниматься именно земельным бизнесом... Еще немного — и они смогут сотрудничать с лучшими застройщиками столицы, получать выгодные заказы от правительства Москвы и с каждым годом расширять свое влияние. И это означает для Виктора Волошина и его коллег не только многократно увеличивающиеся личные счета в банках, но и превращение некогда скромного агентства недвижимости «АРК» в крупнейшую структуру, акции которой не стыдно будет передать детям...

Как водится на Руси, успех тут же отпраздновали. Едва итальянцы покинули офис, как послышался шум, двери кабинета Волошина распахнулись во всю ширь, и в проеме показались сияющие лица его коллег, которых Виктор без преувеличения считал своими друзьями. Просторное помещение тут же наполнилось суетой и веселыми голосами.

- Ну что, нас всех можно поздравить?
- Так, я не понял, а обмыть наши совместные успехи?
- Тащите шампанское из холодильника!
- Витек, что сидишь как засватанный? Никак в себя не можешь прийти от радости?
- Сашка, ну дай пройти, всю дверь собой загородил!
- Вот шампанское, я принесла.
- Позвольте мне, сударыня...
- Ниночка, скорее доставай бокалы!
- Нет-нет, бокалы я только сам! – возразил на последнюю реплику Виктор. Полдюжины великолепных фужеров из дымчатого хрусталя на высоких ножках подарила ему мать в день открытия фирмы «АРК». «Будете праздновать ваши достижения!» – пророчески сказала она. И с тех пор бокалы сделались для Волошина чем-то вроде талисмана, оберегающего его успех. – Ну и где шампанское, я вас спрашиваю?

Волошин был совершенно счастлив в этот миг. Волна безудержного веселья, исходившая от его соратников и одновременно лучших друзей, захлестнула его и накрыла с головой. Как это прекрасно – удача, любимое дело, верные товарищи рядом! Команда всегда была очень важна для Волошина, и потому он очень тщательно отбирал людей, которые работали вместе с ним «в одной упряжке».

В первый раз идея заняться недвижимостью пришла в голову совсем не Волошину, а Валере Гордину. Вот он, сейчас стоит напротив – высокий, сутуловатый, в модных очках без оправы, – коммерческий директор, совладелец компании, заместитель и правая

рука Виктора, товарищ во всех мыслимых и немыслимых затеях. С Валеркой они вместе учились в финансовом и крепко подружились еще на первом курсе. В отличие от Виктора, коренного москвича и сына влиятельного папы, Гордин всего в этой жизни добивался сам. Приехал из Сибири, жил в общежитии, считался одной из самых светлых голов на курсе, был на хорошем счету у преподавателей и буквально спал и видел всеми силами пробиться наверх и достичь успеха. Время их поступления в институт совпало с началом перестройки, и Валера очень быстро заговорил о том, что ставить надо именно на недвижимость. «Квартирный вопрос — вот что самое главное!» — полусерьезно говорил он, но Волошин понимал, что его друг не шутит. Виктор уже совсем было проникся идеями Валеры и готов был очертя голову броситься в рискованное предприятие сразу после окончания института. Но не успели они прийти в себя после защиты дипломов, как начались августовские потрясения 1991 года, и рассудительный Волошин решил, что некоторое время надо подождать, осмотреться и как следует разобраться в том, откуда и куда дует ветер. Один из друзей отца предложил ему должность экономиста в недавно открывшемся совместном предприятии, и первые четыре года своей трудовой деятельности Виктор занимался поставками офисной мебели из Германии. А когда в середине девяностых все потрясения и путчи закончились, страна явно повернула к рынку и капитализм стал набирать обороты, он решил, что настала пора начинать свое дело. И, конечно, первым делом

подумал о Валерке. Тот остался верен себе, после института сразу же пошел в недвижимость. Начал обычным агентом и быстро вырос до начальника отдела, а потом и до заместителя директора.

— Эх, опоздали мы с тобой! — сетовал Гордин. — Раньше надо было начинать. Все хорошие места уже разобрали, коммуналки в центре расселили...

— Ничего, и на нашу долю осталось немножко, — не соглашался Виктор. — Москва большая, ее на всех хватит.

Конечно, начинать было нелегко. Помогли отцовские старые связи и его деньги, ставшие стартовым капиталом. Сумма была не слишком велика, но тут, удивительно вовремя, появился друг детства, рыжий Сашка Варфоломеев, и изъявил желание войти в долю на условиях собственности пятой части акций. И машина заработала. Сначала тяжело, медленно, но постепенно все быстрее, набирая и набирая обороты. Три года назад, в 2002-м, их дела резко пошли в гору после того, как Волошину удалось заключить контракт с нефтяным магнатом из Тюмени. Тот построил на набережной Москвы-реки огромный деловой центр, но потом решил, что самому возиться с многочисленными арендаторами ему не с руки и поручил эту заботу компании «АРК» на удивительно выгодных для нее условиях. С этого момента их риелторская фирма вырвалась вперед и вверх, в недостижимые для всякой конкурентной мелюзги дали, и прочно удерживала одно место в первой десятке на рынке московской недвижимости.

Конечно, это была заслуга не только Виктора, а всей команды. Кроме разве что компаньона Саши Варфоломеева. Сашка, как он сам про себя говорил, был «разгильдяем» и, несмотря на то что числился исполнительным директором, на деле мало вмешивался в работу фирмы, предпочитая всегда и во всем слушаться Виктора. А тот в глубине души не слишком-то ему доверял. Варфоломей всегда умел хорошо устроиться. Крупный, с огненного цвета волосами, в веснушках с головы до пят, он производил впечатление простака и увальня — и с детства очень ловко этим пользовался...

— Виктор Петрович, вы позволите мне тоже чокнуться с вами? — мурлыкнул над самым ухом хорошо знакомый ласковый голосок. К чести Аллочки надо признать, что при посторонних она никогда не позволяла себе никакой фамильярности в общении с Виктором. И вся фирма, исключая разве что вездесущую секретаршу Волошина Ниночку, пребывала в уверенности, что шеф ценит Комарову только как посланного ему самим Богом бухгалтера, умудряющегося проводить самые тонкие финансовые операции так, что ни один комар носа не подточит. И Волошин со своей стороны также старался никого в этом не разуверять. Но сегодня случай был исключительный, и, подмигнув молодой женщине и громогласно заявив: «Аллочка, солнце мое! Конечно, мы с тобой чокнемся!», Виктор одарил свою белокурую повелительницу финансов не только звоном бокала, но и щедрым покровительственным поцелуем.

На виске его тоненько билась жилка, в душе пушистым комочком сидело счастье, в голове метались бесвязные мысли: «Это особое, феерическое, почти невозможное везение... Когда мы начинали дело, у меня не было никаких надежд сколотить приличную команду, привлечь настоящих профессионалов — не те доходы, нечем было приманивать... Но команда собралась, и не только друзья стали сотрудниками, но и сотрудники сделались друзьями. Так не бывает... Но так вышло. Все-таки вышло, вопреки всему. И дальше будет только лучше и лучше!..»

А вокруг звенели бокалы, и золотистое вино из неведомо какой уже по счету бутылки пенящейся струей выплескивалось на пол...

Потом, когда веселье немного утихло, заговорили о делах. Наконец-то настала долгожданная пора отпуска, в который решено было уйти всему руководству сразу — все равно сейчас «мертвый сезон», делать в Москве нечего, — но нужно было обсудить еще кое-какие моменты. Аллочка мгновенно ретировалась к себе: дальнейшие мужские разговоры — об отпуске ли, о новых ли проектах в бизнесе — ее уже не касались. Все, что ей нужно будет знать, Виктор сообщит ей потом, приватно — неважно, в кабинете или в постели. И он, проводив взглядом свою пронизательную бухгалтершу, мгновенно забыл о ней, как забывал о любой женщине, случайно появившейся или даже задержавшейся в его жизни. В кабинете кроме него остались еще трое: Сашка, Валера и исполнительный директор, красавчик Миша Грушинский, чья

неприличная юность (только недавно отметили его двадцатишестилетие) и вдобавок неугасимая страсть к женскому полу всегда служили предметом для добродушных насмешек. Миша появился в «АРКе» позже их всех, года четыре назад, по чьей-то рекомендации, но, несмотря на свою молодость, оказался очень толковым работником, а благодаря открытой и доброжелательной натуре быстро стал приятелем сначала компанейского Сашки, а потом и всего остального руководства.

Виктор переводил взгляд с одного на другого. Трое его друзей выглядели очень презентабельно в отлично сшитых, превосходно сидящих костюмах. Все были в приподнятом настроении, предвкушая скорый отдых. Саша и Валера с женами и детьми собирались через несколько дней отправиться на юг Франции и настойчиво звали Виктора с собой. А Миша, уже на следующее утро улетающий в Таиланд в сопровождении очередной пассии, даже специально попросил свою Настю прихватить с собой самую красивую из подруг — на случай, если шеф решит составить им компанию. Но Волошин отказался и от первого, и от второго предложения. Ему чуть ли не впервые за время существования «АРКа» захотелось отдохнуть совсем иначе. Никуда не ездить, а остаться дома и просто побыть одному, без друзей и компаньонов.

Мужчины расселись в его кабинете за большим овальным столом. Давняя и любимая идея Волошина: не круглый стол, «мы ведь не рыцари короля Артура!», но и не скучный прямоугольно-совещательный, а оваль-

ный — оригинально и со вкусом. Валера Гордин, обладавший завидным даром мгновенно переключаться с одного на другое, серьезно начал:

— Значит, давайте подберем бабки. Мы возвращаемся двадцатого августа. В лавке за старшего остается Кольцов, в помощь ему — Лена Дроздова. Сразу же по приезде обсудим твоё предложение, Витя, — о вступлении в земельный бизнес и создании дочерней фирмы «АРКада». А с незавершенкой решим так...

Он еще долго говорил что-то, раскрывая на овальном ореховом столе папки с документами и раскладывая их по разным стопкам, но шеф уже практически не слушал своего верного заместителя. Все это больше не касалось его, во всяком случае, временно. Пусть он не едет с ребятами ни во Францию, ни в Таиланд, но лично у него, у Виктора Волошина, отпуск уже начался... Он очень устал, и верная удача его — он ощущал это всеми фибрами своей души — тоже нуждалась в отдыхе. Нельзя жить в постоянном напряжении, точно под электрическим током. Нельзя бесконечно испытывать судьбу, задавая ей каверзные вопросы и рассчитывая получать только те ответы, которые тебя устраивают. Пора остановиться, оглянуться, действительно подумать о жизни. Именно это и собирался сделать Виктор Волошин. Он еще не решил, как именно распорядится заслуженными двумя неделями свободы, но почему-то верилось, что отпуск в этом удачном во всех отношениях году запомнится ему надолго.

Когда монолог Валеры уже близился к концу, в кабинет вошла Ниночка с чисто вымытыми и до блеска

протертыми бокалами. Волошин принял поднос у нее из рук — доставать и ставить в шкаф талисман своей фирмы он не доверял никому. Он аккуратно пристроил поднос на стол, открыл стеклянную дверцу, на которую падал солнечный луч, и веселые «зайчики» радостно запрыгали по стене его кабинета. Первый фужер был торжественно водружен на свое законное место, за ним последовал второй, третий. И вдруг четвертый, точно сам собой, ни с того ни с сего, вырвался у Волошина из рук.

Звон посыпавшегося на пол стекла показался ему настоящим громом. Растерянно глядя на хрустальные осколки, он присел на корточки и, на мгновение потеряв над собой контроль, сделал совсем уж нелепый жест — протянул к мелким стеклышкам руку, точно надеясь собрать и склеить то, что восстановлению уже не подлежало. Он не был суеверен, но потеря одного из бокалов, части талисмана, показалась ему дурным предзнаменованием.

— На счастье, — невпопад заметил за его спиной Миша.

Виктор не стал возражать ему, но в этот момент вдруг еще больше уверился, что бокал разбился не просто так. Вскоре непременно должно что-то случиться, и это «что-то» вряд ли его обрадует...

Он выпрямился и растерянно поглядел на сидящих за столом сотрудников. Все они были его друзьями... И в то же время — Волошин чувствовал это в глубине души — каждый из них мог предать его, если бы представился подходящий случай...

Глава 2,

в которой на окне автомобиля
появляется зеленый листок

Отпуск начался с зеленого листка.

Конечно, летом зеленый листок не редкость — даже в таком загазованном, изрядно потеснившем природу мегаполисе, как Москва. Однако дело в том, что листок был бумажным. Цветную бумажку, заткнутую за «дворник» своего автомобиля, Виктор увидел, выходя из супермаркета. В машине никого не было, но не успел Волошин удивиться или почувствовать досаду, как светодиодные двери за ним распахнулись и выплюнули плечистую Юрину фигуру.

— Извините, Виктор Петрович! — покаянно развел руками охранник. — Заскочил сигарет купить, думал, на секундочку — а у нее что-то в кассе сломалось...

Выражение глаз простодушного Юры не позволяли рассмотреть черные очки, которые были ему как бегемоту бантик.

— Очень мило! — шуливо отчитал его босс. — Ты шляешься неизвестно где, а нам тут в машину всякую дрянь подбрасывают. Хорошо еще, что не бомбу!

— Что подбрасывают? — не понял, но встревожился Юра.

Виктор уже рассматривал снятый со стекла листок. Это оказалась обычная рекламка, причем не из дорогих. Черные буквы на изумрудной бумаге приглашали всех желающих посетить клуб «для тех, кому за тридцать» под названием «Зеленая дверь». Такие листовки

обычно пачками раздают у метро или распахивают за «дворники» всех автомобилей в округе. Но эта оказалась единственной — ни справа, ни слева на передних стеклах машин не обнаруживалось ничего подобного. И Волошин, неожиданно для себя, почему-то не выбросил листовку, а аккуратно сложил пополам и сунул в задний карман любимых джинсов. Фирменный пакет из супермаркета с продуктами и пряностями, которые мать заказывала для консервирования, отправил на заднее сиденье. Туда, где уже скучал другой пакет, поменьше, с рисовальными принадлежностями: бумагой, карандашами, фломастерами, красками — гуашью и акварелью, детскими книжками-раскрасками. Все это предназначалось Сереже... При мысли о Сереже настроение слегка испортилось. Но стоит ли переживать из-за таких мелочей? В Привольное он едет не к Сереже, а к матери. Не далее как вчера он обещал навестить ее. Ну а раз уж дал слово, надо его выполнять. Так почему не сделать это сразу, на другой же день? В субботу Виктор как следует выспался, переделал за утро кое-какие накопившиеся дела, вроде поездки в парикмахерскую, не торопясь, с удовольствием пообедал в любимом ресторане на Сретенке и решил, что часов в пять-шесть, когда поток дачников на дорогах окончательно схлынет, отправится к матери. Все равно ничего важного и нужного нынешний вечер не сулит — сплошное, заслуженное тяжким трудом безделье...

Постояв несколько минут в пробке возле перекрестка, автомобиль вырвался наконец на вольный простор шоссе. Вскоре за окном промелькнула на

фоне чуть подернутого облаками неба громада моста Окружной железной дороги, вызвав мимолетное впечатление чего-то грандиозного и светлого, как предчувствие большой радости. На душе у Волошина пели птицы. Впереди мерещились дали Привольного, приветливо рисовался их дачный дом, запах роз, выращиваемых матерью, и корицы — от вкусного пирога, рецепт которого передавался в семье Волошиных из поколения в поколение.

И потому сейчас, сидя в автомобиле, уносящем его прочь от Москвы, Виктор еще раз прокрутил в памяти вчерашний день и захлопнул воспоминания, словно дочитанную книгу, — теперь целых две недели он вообще не будет думать о работе! А потом зачем-то вытащил из кармана и принялся разглядывать тот скромный рекламный листок. Клуб для тех, кому за тридцать, «Зеленая дверь». Это название сразу показалось знакомым, но лишь сейчас Виктор вспомнил почему. Точно так же назывался рассказ О'Генри, который он читал по-английски где-то классе в восьмом или девятом. Там даже ситуация была чем-то похожей: слова «Зеленая дверь» тоже были написаны на бумажке, которую вручили герою на улице. Тот, ведомый своим романтическим воображением, постучался в первую попавшуюся дверь подходящего цвета — и встретил за ней свою любовь. А потом выяснилось, что «Зеленая дверь» — это название рекламируемого спектакля. Точно, был такой рассказ! Виктор усмехнулся. А что, если и правда? Кто знает, может, и его ждет за зеленой дверью прекрасная незнакомка? Виктор усмехнулся.

Но смейся не смейся, а он и вправду иногда чувствовал, как не хватает ему женщины рядом. Даже обидно становилось — неужели он никому не интересен? То есть, конечно, как риелтор, перспективный бизнесмен и денежный мешок — он был интересен многим. Той же Аллочке и ей подобным... А вот просто как Виктор Волошин — нет. А ему бы хотелось общаться с девушкой, которая заинтересовалась бы им как личностью, его внутренним миром, его мыслями и чувствами, а не его деньгами. Но где бы ее, такую девушку, взять, не у себя же в офисе и не из числа клиенток... Знакомства в ресторанах, клубах и на светских тусовках его тоже не устраивали. Да, там было множество хорошеньких мордашек, стройных фигурок и длинных ножек, но хотелось чего-то другого. Этих ножек и мордашек было в его жизни уже с лихвой, а Волошина неожиданно потянуло в последнее время на такие «неликвидные» ценности, как душевное тепло, взаимное понимание, ощущение доверия... С девушками же, знакомство с которыми состоялось в ночном клубе, чаще всего можно было лишь приятно провести ночь в ближайшем отеле, а потом выбросить бумажку с номером телефона, которая непременно вручалась при расставании вместе с кроткой просьбой «Звони!», нежным заглядыванием в лицо и прощальным страстным поцелуем. Хорошо, мило, чувственно — но не более.

Откровенно говоря, на Волошина довольно-таки трудно было угодить. Его не устраивали ни глупые модельные куколочки, ни холодные расчетливые стервы, ни бизнесвуменши с бульдожьей хваткой и мужским

складом ума и характера, ни сентиментальные восторженные барышни, опутывающие мужчин сетью обязательств и надуманных переживаний. До некоторых пор, пока его толкали к прекрасным дамам исключительно физиологические потребности, найти что-нибудь более или менее подходящее не составляло труда. Но вот захотелось чего-то большего — и странно, даже невозможно представить, что этим «большим» могла бы стать случайная знакомая из клуба или какая-нибудь из давно окружавших его женщин, вроде Аллочки Комаровой. И это несмотря на всю ее чудную сексуальность и вполне даже приличный характер...

Украинные пейзажи за стеклом автомобиля давно кончились. Виктора Волошина приняло в свои широкие объятия Подмосковье. Охранник Юра, время от времени выполнявший также и обязанности водителя — а это случалось нередко, когда Волошин бывал на всевозможных вечеринках и презентациях, после которых уже нельзя было садиться за руль, или же когда у него просто не было желания самому вести машину, — был сегодня настроен особенно озорно; он то и дело поддавал газу, временами нажимал на сигнал — просто так, от избытка сил и молодости, — и в конце концов шеф даже попенял ему:

— Осторожнее, Юра, осторожнее. Не резвись так. Руку свою совсем не бережешь — смотри, как на руль давишь!

— А чего ее беречь-то? — беззаботно и чуть фамильярно хмыкнул охранник. — Зажило уже, как на собаке. Во, смотрите! — И он, слегка поддернув рукав свет-

лой хлопковой рубашки, продемонстрировал свежий рубец.

Волошин невольно усмехнулся этому молодецкому, даже хвастливому тону и жесту. О таких людях, как Юра, говорят, что они не изуродованы ни чрезмерным интеллектом, ни излишним тактом, ни хорошими манерами... Но, бог ты мой, зачем ему в охраннике интеллект, если в других качествах этого крепкого, надежного, всегда широко улыбающегося парня — преданности и безупречной смелости — он может быть уверен!.. Юра не раз продемонстрировал хозяину свои достоинства за годы работы, и это да плюс еще легкость и искренность по-настоящему imponировали в нем недоверчивому к другим людям Волошину.

Он относился к охраннику теплее и бережнее, нежели к иным помощникам, а потому и историю возникновения едва зажившего шрама знал: Юра поранил руку, когда в него срикошетил нож, который они с коллегами, забавляясь, кидали в цель. Это случилось в Привольном, куда Юра, по его поручению, отвозил деньги и продукты для Валентины Васильевны несколько дней назад. И теперь, лениво продолжая завязавшийся разговор, поглядывая на мускулистое, едва прикрытое легкой тканью плечо, Волошин уточнил:

— Что, совсем не болит уже?

— Не-а. — Охранник снова расплылся в белозубой улыбке. — Меня ж, Виктор Петрович, бабка в Привольном лечила. Пошептала, траву приложила, отвару выпить дала — и никакие доктора не нужны. Золотая она у вас, эта ваша Захаровна!

— Золотая, — согласно кивнул шеф. Он хотел добавить еще что-то, но в кармане залился мелодичной трелью мобильный телефон, и Волошин привычно схватился за трубку.

— Витька, ну ты чего там, не передумал? — голос рыжего Сашки взорвался в его ушах с такой силой, будто приятель стоял у него за спиной и шутки ради нарочно терзал его барабанные перепонки. — Ну что ты забыл в своей дурацкой пыльной Москве? Давай с нами, пока возможность есть!

— Нет уж, я тут останусь...

— Ну и дурак. Соображаешь хоть, от чего отказываешься? Ты только представь: море теплое, солнце горячее, пальмы зеленые, а девушки... ох, Витя, об этом я лучше помолчу!

— Ладно-ладно, — засмеялся Волошин. — Тоже мне, Казанова выискался. И как тебя только твоя Катька терпит?

— Катька терпит, потому что со мной таким ей лучше, чем совсем без меня, — философски ответил Сашка. И уже серьезным тоном, как бы давая понять, что звонок его вызван все же не желанием позубоскалить, а дружеской заботой и солидарностью, добавил: — Слушай, Вить, у тебя правда все в порядке? А то мне что-то показалось...

— Ну, что делать, когда кажется, ты и сам знаешь, — усмехнулся Виктор. — Не морочься, Саш, все у меня хорошо. Валите в свою Францию, и чтоб я никого из вас тут и близко не видел в ближайшие две недели. Дайте хоть немного побыть одному, черти...

— Ну, ладно. Попробуем тебе поверить, — вздохнул друг детства, однако по голосу его чувствовалось, что Волошин его не убедил. И, торопясь закончить разговор, который неожиданно стал ему в тягость, Виктор коротко передал приветы Сашиним жене и дочке и нажал «отбой».

Машина уже въезжала в Привольное, и, едва она затормозила, Виктор, даже не успев еще как следует затолкать телефон в карман, резко распахнул дверцу и выпрыгнул, вырвался наружу, словно ветер, который боится превратиться в жестокий сквозняк, будучи запертым в четырех стенах. Глубоко вдохнул настоящий на солнце и полевых травах воздух, уловил где-то рядом густое жужжание шмеля, счастливо и радостно потянулся, раскинув руки в стороны, и спокойными, широкими шагами зашагал к своему дому, словно пытаясь обогнать свою уже по-вечернему длинную тень.

Мать он нашел, как всегда, за работой. Склонившись над грядкой, она аккуратно выдергивала из земли сорняки, освобождая простор для дальнейшего роста то ли редиске, то ли морковке — Волошин в таких сельскохозяйственных тонкостях не разбирался.

— Витя, сыночек! Приехал! — обрадовалась она, торопливо стаскивая с рук перепачканные землей резиновые перчатки. — Как раз вовремя, сейчас самовар вскипит. Кушать будешь? У нас сегодня щи со щавелем, твои любимые...

— Буду! — радостно отвечал Волошин. — И щи буду, и чай с бутербродами! Я там привез кое-чего, колбасы,

сыру, рыбы соленой, сладостей каких-то... Юра сейчас принесет.

С аппетитом поедая щи, которые считал одним из самых вкусных блюд на свете и по поводу которых утверждал, что с ними не сравнятся никакие деликатесы в лучших ресторанах мира, Волошин, как обычно, долго беседовал с матерью, расспрашивая ее о самочувствии и о жизни в Привольном. Валентина Васильевна со своей стороны тоже попыталась проявить интерес к делам сына.

— Ну как, Витя, — спросила она, наливая ему очередную чашку душистого чая из самовара, — состоялась твоя сделка?

Вопрос прозвучал привычно строго. Отработав всю жизнь в школе и уйдя на пенсию в почетном звании завуча старших классов по учебно-воспитательной работе, Валентина Васильевна на всю жизнь сохранила четкую дикцию, металлически-наставительные нотки в голосе и требовательный взгляд поверх очков, который, по-видимому, призван был приводить в смущение юных нарушителей школьного спокойствия. И во время своей долгой пенсионной старости — а матери уже исполнилось семьдесят восемь — Валентина Васильевна неизменно вела самый активный образ жизни: ездила в родную школу консультировать молодых и неопытных учителей, занималась множеством немислимых для сына общественных дел при кружке ветеранов и чуть не круглый год возилась в земле, разводя на своем немалом теперь участке цветы и сажая зелень...

— Состоялась, — кратко ответил Виктор, кладя себе со старинного, из немецкого фарфорового сервиза, блюда кусок пирога с корицей («Только в обед испекла, как чувствовала, что ты приедешь!»).

— Выгодная?

Волошин молча кивнул, стараясь откусить кусок побольше. Рот наполнился знакомой, напоминающей о детстве, сладостью.

Сейчас Виктору, который еще вчера был готов рассказывать о контракте с итальянцами каждому встречному, совсем не хотелось об этом говорить. Мать поняла это и поспешила перевести разговор на другую тему.

— Вот, посмотри, статью тебе отложила. — Она достала с полки сложенную газету. Одна из заметок была обведена красной ручкой. — Тут пишут о вреде этих ваших сотовых телефонов. От них действительно очень сильное излучение, которое плохо влияет на здоровье.

Читать Виктор не стал — ему это было совершенно неинтересно. Его раздражала эта ее безграничная и бездумная вера печатному слову. Но говорить об этом и обижать мать он не собирался. Поэтому просто сложил газету и торопливо сунул ее в карман.

— Потом посмотрю, — пообещал он.

День клонился к вечеру. Начавшийся с отдыха и приятных необременительных занятий, он завершился в самом что ни на есть благодушном состоянии, на веранде дома в Привольном. Пахло деревом и свежим тестом с корицей и ванилью. Кресло — удобное, но не слишком мягкое, в самый раз — нежило уставшую поясницу, располагало к покою и отдыху. С веранды

сквозь сад, за которым ухаживал приходящий садовник, открывался прекрасный вид на пруд, где дрожало, дробясь оранжевыми бликами в замершей водной глади, отражение закатного солнца.

— Ты никогда ничего мне не рассказываешь о себе, — с упреком проговорила Валентина Васильевна.

— А что рассказывать, мама? — досадливо сказал Виктор, прожевав пирог. — Это риелторский бизнес, дела сложные и скучные...

— Недоступные для моих старческих мозгов? — язвительно поинтересовалась она.

Вместо ответа Волошин снова откусил от пирога и устремил взгляд туда, где на водной глади догорали последние лучи заходящего солнца. Ему сейчас не хотелось этого разговора, не хотелось ничем омрачить радость своего пребывания здесь. Но, похоже, сегодня объяснения не избежать. В последнее время мать особенно настойчиво требует, чтобы он с ней делился происходящим в его жизни... Но он никогда этого не делал. Даже в школе. Не поздновато ли начинать в тридцать шесть лет?

В этом доме, рядом с этой пожилой женщиной, известной до последней морщинки вокруг глаз и в то же время такой чужой... трудно было выразить словами ту непонятную и нелогичную тоску, которая вдруг охватила Виктора. На какую-то неувимую долю секунды ему показалось, что все, чего он достиг — солидное положение в мире риелторов Москвы, шикарная квартира, машина и прочие статусные игрушки для взрослых, — ничто по сравнению с каплей простого человеческого

чувства... Может быть, того самого, которое зовется глупым, слащавым, сентиментальным словом *любовь*? Виктор привык считать, что это слово ничего не обозначает, что оно — всего лишь прикрытие для чего-то откровенно-животного или хитровато-практичного. Но сейчас почему-то по-дурацки захотелось, чтобы они с мамой сидели и болтали так же просто и увлеченно, как это он раньше наблюдал в семьях одноклассников. Чтобы они искренне радовались, встречая друг друга даже после недолгой разлуки...

«Детям и родителям полагается любить друг друга! Полагается... Если я ничего не испытываю к матери — значит ли это, что я моральный урод? Что я вообще не способен испытывать любовь? Ни к кому?»

Чтобы доказать самому себе, что это не так, Виктор протянул руку, чтобы погладить мать по плечу — но на полпути остановился, сделав вид, будто потянулся за новой порцией пирога, хотя уже был сыт. Волошин вовремя сообразил, что его ласкательный жест выглядел бы нелепо и вычурно, и, главное, он совершенно не мог представить, как отреагировала бы мать. В их семье никогда не практиковалось такое изъяснение чувств...

«Ну и что? — разозлился на самого себя Виктор. — Ну, не приняты у нас телячьи нежности, что с того? Подумаешь! В каждой семье свои традиции. А о воспитании судят по конечному продукту — то бишь что получилось из детей. Так что я — в порядке! В полном порядке! Более чем в порядке!»

— Ты чем-то недовольна, мама? Если нужно что-то купить или выписать из-за границы — скажи, ты знаешь, я всегда...

— Ну что ты, Витя, — мать смотрела в сторону, а в голосе место металлических заняли влажные, слезливые нотки, — ты и так много вкладываешь в Привольное. Притом что так редко здесь бываешь... Видел бы твой папа, какую ты здесь создал красоту, — вот бы он порадовался!

Несколько лет назад, когда дела Виктора резко пошли в гору, его риелторская фирма приобрела известность и он впервые начал оперировать цифрами, выразившимися не в тысячах рублей, а в сотнях тысяч и миллионах долларов, он прежде всего вложил появившиеся средства в оборудование загородного дома для матери. Сначала хотел купить для нее что-нибудь более престижное, чем их дачный домик, привозил ей глянцевые проспекты, рисующие прелести жизни на Рублевке, соблазнял снимками роскошных коттеджей, уговаривал приобрести то один, то другой фешенебельный дом вместе с прилегающим к нему садом... Но Валентина Васильевна, крепко сжав губы, каждый раз отрицательно качала головой и сухим и напряженным голосом повторяла: «Я не хочу уезжать из Привольного, Витя. Здесь мы разбивали участок вместе с твоим отцом, здесь прошла почти вся моя жизнь, здесь рос ты, и я знаю здесь каждое дерево, каждую тропинку... Я люблю эти места и не хочу покидать их».

«Но ведь твое хваленое Привольное — это всего лишь полдома да маленький участок! — пробовал урезонить ее сын. — Может быть, он и был хорош когда-то по прежним, еще советским, меркам, но сейчас-то наши понятия да и возможности изменились. Я могу теперь обеспечить тебе куда более высокий уровень комфорта, мама! Неужели ты не хочешь хоть на старости лет пожить достойно?»

Узкая линия губ пожилой женщины становилась еще тверже, еще горестней, и она вновь и вновь давала Виктору тот же самый ответ: «Я никуда не уеду из Привольного. Если хочешь, можешь построить себе дом где-нибудь в престижном месте и жить там вместе с семьей, которую ты, надеюсь, когда-нибудь все-таки заведешь... А меня оставь моим воспоминаниям, моим причудам и моей старости».

И Волошин уступил. Привольное так Привольное. Но ведь и в Привольном можно жить по-человечески! Сначала он уговорил овдовевшую соседку продать им вторую половину дома, потом пришло в голову выкупить и несколько других близлежащих участков — до самого озера. Виктор пригласил лучших строителей и самого грамотного из известных ему специалистов по ландшафтному дизайну — ведь он, теперь уже профессиональный риелтор, повидал их немало. Новое пристанище для матери было построено быстро и без всяких крикливых новорусских тенденций. Просто милый и уютный деревенский дом, где ни одной детали убранства не выставлялось напоказ, где резными были только наличники и балясины лестницы, спу-

скавшейся от веранды в сад, а все остальное поражало устойчивой добротностью и верностью старым традициям. Волошину всегда нравился этот дом, он обычно отдыхал тут душой — но не сейчас. Ни уютная обстановка, ни красота природы не смогли унять медленно закипавшего внутри раздражения.

— Тогда в чем дело? — продолжал допытываться Виктор. — Ты отлично знаешь, что я много работаю и не могу часто у тебя бывать. Так, может, тебе в мое отсутствие подобрать компанию повеселее? По-моему, ты просто киснешь и хандришь!

Мать передернула плечами. Но Виктора уже охватил азарт.

— Нет, ты все-таки послушай! Я человек опытный, мой бизнес требует умения разбираться в людях... И я не могу себе объяснить, что тебя побудило создать себе в Привольном такое окружение? Эта Захаровна, этот, извини меня, Сережа... Ну, Захаровна еще куда ни шло: простая деревенская бабка, по хозяйству помощница... Но Сережа! Я по твоей просьбе привожу ему бумагу, карандаши, но до сих пор не понимаю, как ты решилась его взять... привести в свой дом...

— Не будем об этом говорить!

Виктор вздрогнул: из слезливой пожилой женщины Валентина Васильевна снова превратилась в того железного завуча, чей образ тяготел над ним на протяжении всего детства. Стоило коснуться болезненной темы — и такое превращение! И Виктор не сказал больше ни слова о Сереже, но, как ни странно, почувствовал себя увереннее. Общение с «железным завучем»

было для него нормальным и привычным — по крайней мере, от этого никто не пострадал. А вот если мать начнет тайком утирать слезы, недалеко до сердечного приступа — а это всегда заставляло его ощущать себя виноватым... Нет, уж лучше резкость, чем сердечный приступ!

— Витенька, Валентинвасильна, а что это вы тут в темноте сидите? — раздался приветливый старушечий голосок, и Захаровна — легка на помине! — включила на веранде свет. Вокруг лампы сразу закружились пухлые ночные мотыльки. А Захаровна с ласковой бесцеремонностью то ли старой прислуги, то ли любимой бабушки начала прибирать со стола посуду.

Откуда она взялась в их доме? Трудно сказать. Сначала как будто бы заглянула сюда на часок, потом осталась переночевать у гостеприимной хозяйки, а после и вовсе задержалась здесь на месяцы, будто позабыла уйти... Это была сухонькая маленькая старушка с лицом, покрытым, словно сеточкой, мелкими морщинками, с певучим южнорусским говором и с невероятно внимательным взглядом широко расставленных добрых глаз. Будучи одной из тех бабушек, которых всегда можно встретить в ближайшей церкви, словно сошедшая со страниц книг русских классиков, она всей своей судьбой, кажется, подготавливалась к тому, чтобы встретить старость в качестве приживалки где-нибудь в большом богатом доме, где никто не считает, сколько тарелок супа поставлено на стол. Вместе с Захаровной в волошинский дом вошли доброта и какая-то тихая теплеливость, запах трав, которые она вечно собирала

в окрестных лугах и лесах и развешивала в специально выделенной ей сушильне, терпкий вкус целебных отваров, просто чудодейственным образом излечивающих любые недуги, и несколько потемневших от времени икон — деталь интерьера, до тех пор никогда не появлявшаяся в Привольном... Этой старой женщины было почти не видно и не слышно, но, как только в ней возникала нужда, она тихими шагами появлялась откуда-то из глубин дома или сада и успокаивала, утешала, исцеляла, заговаривала... Казалось, что только с Захаровной дом приобрел цельность и завершенность — как становится намоленной церковь после того, как иконы ее многократно омоются слезами верующих.

С появлением Захаровны напряжение между сыном и матерью исчезло, растворилось в теплом вечернем воздухе. Виктору больше не захотелось возвращаться к теме Сережи. Он с удовольствием принял приглашение Захаровны пройти к ней — в выделенную ей комнату с отдельным входом, которую все называли сушильной.

Там, как всегда, было тихо и ароматно, уютно и особенно спокойно. Старая женщина села на широкую лавку за большим деревянным столом и стала перебирать пряно пахнущие травы, раскладывая их на кучки по какому-то загадочному, только ей одной ведомому принципу. Так уж она привыкла — никогда не сидеть без дела, даже за разговором.

Он почему-то никогда не мог потом воспроизвести в памяти их неспешные, всегда недолгие разговоры — так, ни о чем и о многом... И все-таки это были разгово-

ры только о нем, о Викторе Волошине. С Захаровной можно было поделиться тем, что ему никогда не пришло бы в голову обсуждать с матерью, и от старушки можно было услышать слова, какие в устах сдержанной Валентины Васильевны показались бы невероятными. И отчего-то только ей, странной приживалке, можно было неожиданно для себя самого пожаловаться:

— Знаешь, Захаровна, так быстро летит жизнь... Иногда мне кажется, я навсегда останусь один. Почему вокруг меня никого нет?

Она остро взглянула на него внимательными глазами.

— А как же друзья, Витенька?..

— Скорее деловые партнеры, — усмехнулся Волошин. И тут же ему стало стыдно перед ребятами, словно он невольно оказался несправедлив к ним. Заторопившись, он поправился: — Нет, друзья, конечно, есть — как же без этого. И родные, слава богу, есть, мама, ты вот... А все равно, близкой души нет. Совсем близкой, понимаешь?

Захаровна задумчиво кивнула. И, почему-то тяжело вздохнув, отвернулась. А потом тихо произнесла что-то уж совсем странное:

— Уже недолго...

— Ты о чем? — не понял он.

Старуха покачала головой и налила из большого керамического кувшина мятно пахнущий, свежий, прохладный отвар в кружку, разрисованную васильками и ромашками.

— Попробуй-ка, — предложила она вместо ответа. — Это по новому рецепту, из редких трав. Тебе понравится.

Виктор молча смотрел на нее. Ему внезапно стало досадно на свою откровенность; слишком молодым и понимающим был ее взгляд, слишком о многом ему хотелось с ней поговорить — но сегодня отчего-то не смелось, не могло... Когда он отхлебнул из высокой кружки травяной напиток, живительное спокойствие пробежало по его жилам, и на сердце стало так же легко, как в тот миг, когда он по приезде слушал гудение шмеля над цветным разнотравьем Привольного...

Когда он собрался уезжать, было уже совсем темно. Довольный, судя по всему успевший как следует пообедать, Юра ждал его в машине. Откинувшись в кресле, насколько позволяли возможности автомобиля, он слушал музыку, что-то такое современное и лирическое.

— Выключить, Виктор Петрович? — поинтересовался охранник.

— Да нет, оставь, — разрешил Волошин, обычно совершенно не разделявший музыкальных пристрастий своего помощника. — Под настроение попало.

И некоторое время оба ехали молча, прислушиваясь к льющей из динамиков незатейливой задушевной песне.

Глава 3,

в которой готовится маскарад
и начинают слетать маски

«Ну вот, — с неприятным чувством думал Виктор, — вот тебе и урок. Никогда не нарушай правила! Особенно те, которые установил сам для себя, на ос-

новании собственного опыта... Никогда! Иначе потом пожалеешь. Крепко пожалеешь!»

Он давно дал себе слово не проводить ночи с подругами у себя дома. Любая женщина должна иметь возможность утром привести себя в порядок и приготовить завтрак по своему вкусу, а это совершенно невозможно, если она просыпается «на чужой территории», где нет нужных ей баночек, милых сердцу флакончиков и привычных тюбиков. К тому же, чем уговаривать понравившуюся девушку захватить к тебе «на чашку кофе», куда удобнее просто проводить ее до дома, оставляя за ней право в любой момент пригласить кавалера к себе или же не сделать этого. Волошин свято чтит собственное правило еще и потому, что случайные женщины, допущенные им в его холостяцкую квартиру, все как одна выражали настойчивое стремление остаться в ней навсегда, а это вовсе не входило в волошинские планы.

Но в то воскресенье вышло по-другому. Может, из-за того, что была не ночь, а день — солнечный и долгий летний день, от которого едва начало отщипывать кусочек за кусочком приближение осени. Воробьи на бульваре чирикали так, точно за окном была не пропахшая бензином, раскаленным асфальтом и людской усталостью Москва, а зеленое, светлое и душистое Привольное... Наслаждаясь бездельем, Волошин полулежал на диване в гостиной, ел черешню, сплевывая косточки в пепельницу и смотрел уже третий боевик подряд. И когда запиликал мобильный, в котором раздался нежный голос Алочки, щебетавший, что она

уже успела соскучиться, а сейчас как раз проезжает по Бульварному кольцу, Виктор милостиво разрешил ей заехать к нему в гости.

Сначала все шло как всегда. Совместный душ, потом небольшая прелюдия, затем собственно секс... Зачем Аллочке душ, Виктор не мог понять — от нее никогда не пахло потом. И вообще не пахло живым женским телом. Ароматы она распространяла исключительно парфюмерные, даже в тех укромных уголках тела, которым обычно свойствен определенный запах. И в какой-то момент Волошин вдруг подумал, что его это раздражает. Алла, безусловно, в высшей степени стильная дамочка — от белокурых локонов, не способных растрепаться даже в минуту страсти, до длинных, бриллиантово поблескивающих ногтей, хищной остроты которых Виктор слегка опасался. Каждый раз, когда они приближались к его паху, делалось как-то не по себе... Но сегодня не было даже этого чувства. Ему было скучно. Невыносимо скучно. Настенные часы тонкой стрелкой отсчитывали секунды скуки — той, что он уже выдержал, и той, что еще предстоит. Он заранее знал все, что скажет Аллочка, что она сделает... Точно она была актрисой, отлично, до последнего междометия и мелкого жеста, выучившей роль. Физически она казалась безупречной, даже родинки на правой ягодице расположены в каком-то высокохудожественном порядке... И это вдруг взбесило.

Какого черта? Что с ним? Но уже зародилась, тянула, сосала сердце тоска по женщине. Не по идеально запрограммированному роботу, не по живой кукле,

с ног до головы пахнувшей духами, а по той, которой незачем притворяться, потому что она хороша — настоящая... И так настырно защемило внутри... Как будто, тратя время на эту, ненастоящую, он упускает ту, которая, одна в целом свете, предназначена исключительно для него...

Поскорее выпроводив Аллочку, которая упорно пыталась навязать ему после секса изысканное чаепитие, он извлек из кармана висящих на стуле вчерашних джинсов зеленую листовку. И хотя вчера Волошин уверял себя, что сохранил ее исключительно «ради прикола», теперь он уже не был так уверен в шутовности своих намерений. Собственно, почему бы и нет? Разве он обязан объясняться перед кем-нибудь или раскрывать друзьям подробности своего отдыха?.. Шанс встретить знакомых в таком месте был практически равен нулю, следовательно, недоуменных расспросов или дружеских подкальваний можно не опасаться. И, еще раз скользнув взглядом по мелко набранным строчкам «Если Вы чувствуете себя одиноким...», он наконец, не одеваясь (зачем в такую жару?), решительно взялся за телефон.

Женский голос отозвался уже после второго гудка. Был он низким, приятным и, к счастью, полностью лишенным тех интимно-коммерческих придыханий, на которые Волошин все-таки опасался нарваться (черт его знает, может, такие объявления — теперь всего лишь новая форма рекламы борделей?..).

— Здравствуйте. Вы позвонили в клуб тех, кому за тридцать, «Зеленая дверь». Чем мы можем вам помочь?

— Вот мне, милая девушка, как раз слегка за тридцать, — с ходу взяв быка за рога, заговорил он, неторопливо и насмешливо, сам понимая, что этот развязный тон — всего лишь слабое прикрытие его смущения и даже страха. — Ко мне случайно попала ваша листовка. Вы действительно проводите вечера знакомств?

Даже по телефону было слышно, как собеседница усмехнулась.

— Действительно. Вы, наверное, хотите присоединиться к нам?

— Хочу. — Волошин с изумлением почувствовал, как вспотели ладони. Что за ерунда, право слово!.. Волнуется, как школьник, впервые в жизни набравший номер голенастой пигалицы из параллельного класса. — А что я для этого должен сделать?

— Да ничего особенного, — вежливо отвечала женщина. — От новичков требуются только имя и фамилия, чтобы выписать приглашение, и еще (это уже для нашей внутренней статистики) ваш возраст. При желании можете оставить для связи свой номер телефона, номер факса или адрес, можно электронной почты. Если вы соответствуете нашим несложным критериям и готовы оплачивать наши услуги, я с удовольствием вышлю вам расписание встреч нашего клуба...

— Сколько? — привычно спросил он и очень удивился, услышав в ответ:

— Триста рублей вступительный взнос, и далее сто рублей ежемесячно.

— Всего-то? Я думал, это стоит гораздо дороже.

— У нас довольно скромный клуб, — с готовностью заявила собеседница. — Кстати, сегодня у вас есть возможность в этом убедиться. В семь часов у нас очередной вечер отдыха. Небольшой фуршет, живая музыка, танцы, игры. Придете?

— Приду, — решительно согласился Волошин. — И готов прямо сейчас продиктовать вам все свои данные и адрес электронной почты, чтобы мне выслали вашу программу.

Собеседница зашуршала бумагами, уточнила электронный адрес, повторив его по буквам и явно испытывая трудности с английским произношением, и наконец промолвила еще мягче и тише, чем было сказано ее самое первое «здравствуйте»:

— Ну вот, с формальностями покончено, Виктор Петрович. Будем ждать вас на Пречистенке в двадцать ноль-ноль.

— Дресс-код? — автоматически поинтересовался он.

— Простите?.. — растерялась собеседница.

— Нет-нет, ничего, я просто не так выразился. Я только хотел узнать, нужна ли какая-то особая форма одежды — непременно галстук, или, может быть, строгий костюм, или...

— Да нет, что вы, ничего такого не требуется. У нас в клубе вполне демократичная атмосфера, все чувствуют себя свободно и приходят одетыми так, как им нравится. Допустимо все, кроме, разумеется, шорт или, скажем, купальника, — но это вы, вероятно, и сами понимаете...

Она объяснила, как удобнее до них добраться («Вход вы найдете легко, у нас действительно зеленая дверь»), и вежливо распрощалась. А Волошин, нажав кнопку отбоя, еще долго смотрел на телефонную трубку с каким-то легким недоумением. Что это он затеял?.. Какой-то клуб, куда может прийти кто угодно прямо с улицы, по первому же звонку, какой-то вечер знакомств... Да ему и надеть-то в такое место нечего. Не идти же на «небольшой фуршет» в костюме за десять тысяч долларов! Если все там чувствуют себя «вполне свободно», то придется, наверное, разыскать старые джинсы, в которых он ходит за грибами у матери в Привольном...

Упругими шагами Волошин пересек квартиру, вошел в спальню и распахнул двери гардеробной. У него был хороший вкус — об этом не раз говорили ему и его друзья, и его женщины...

Случайно взглянув на часы, украшавшие спальню своими абстрактно-стеклянными изгибами, Виктор засуетился. Летние длинные дни играют с нами, северянами, плохую шутку — постоянно кажется, что еще рано. А между тем уже натикало пять минут седьмого! Пусть до Пречистенки рукой подать, но надо же еще дожидаться Юру — не отправляться же в незнакомое и, признаться, несколько подозрительное место без охраны. Набирая телефон водителя, он одновременно придирчиво изучал содержимое гардеробной.

Если относительно ведения бизнеса Виктор старался принимать во внимание мнение заместителей, то в том, что касается выбора одежды, всегда ориен-

тировался только на свой внутренний голос, а не на советы глянцевого журналов и мнение даже самых продвинутых продавцов-консультантов. Не то чтобы он им не доверял или гнушался их услугами — разумеется, нет. Просто, благосклонно выслушав их советы, он всякий раз что-нибудь слегка изменял в предложенной ему коллекции новых вещей и в результате всегда бывал одет чуть более оригинально и стильно, нежели большинство знакомых. И, получая вполне заслуженные комплименты, Виктор Волошин все же всегда с удовольствием ощущал некоторое превосходство над друзьями, ибо, как он любил повторять, вкус — это то, что либо есть у человека, либо нет, промежуточного состояния не бывает.

Вот и теперь, распахнув двери гардеробной, он с легким самодовольством оглядел плотные ряды вешалок, ящичков и обувных коробок (все хранилось здесь в безупречном порядке — домработница, как и прочий обслуживающий персонал Волошина, отлично знала свое дело) и мгновенно понял, в чем он сегодня выйдет из дома. С чего ж он решил, что «неофисно» и «неформально» — это непременно драные джинсы?.. Быстро перебрав содержимое вешалок, он вытащил на свет божий некогда нежно любимые, хотя и старые уже брюки из мягкого бежевого вельвета и такую же мягкую кремовую футболку.

Вещи были, как и вся другая его одежда, стильные, известных брендов. Но зато поношенные — а это, скорее всего, должно было навести на мысль, что они

куплены в секонд-хенде человеком пусть и с хорошим вкусом, но ограниченным в средствах.

Быстро одевшись, Волошин придирчиво осмотрел свое отражение и остался доволен. Из зеркала на него глядел худощавый гибкий мужчина отчетливо холостяцкого вида, независимый, подтянутый и демократичный. В таком виде его вполне можно было принять за менеджера среднего звена, работника рекламного агентства или какого-нибудь не слишком раскрученного журналиста.

Когда раздался звонок в дверь, он уже готов был выйти из дома.

Не так давно, пару месяцев назад, Аллочка Комарова скорее от скуки, чем из действительного любопытства прошла в Интернете тест «Кем вы были в прошлой жизни?» и обнаружила, что в прошлой жизни она была мужчиной. При этом еще и японцем. Никогда прежде она не увлекалась всякой мистикой, и тем более смешно было бы доверять расхожему тесту — из тех, которые оплачиваются по SMS. Однако в открывшемся вдруг факте померещилось нечто близкое... Да, в самом деле, это в ней японское — умение держать лицо! Никогда, ни при каких обстоятельствах не выдавать своих истинных чувств и намерений. Такое самурайское самообладание всегда помогало Аллочке в карьере и позволило ей достичь нынешнего положения.

Она надеялась, что, применяя тот же метод, добьется успеха и в личной жизни... Но нет — не срабатывало!

Почему? Просчитывая свою стратегию, Аллочка не находила изъянов. Волошин терпеть не может, когда вмешиваются в его личное пространство — она и не пытается перевозить свои вещи к нему или забывать на диване трусики. Волошин не выносит женского сюсюканья и сплетен из жизни звезд — Аллочка зрело, по-мужски, беседует с ним о политике и экономике. Волошин ценит хороший секс — Аллочка перед каждым свиданием штудирует специальные пособия, которых у нее целая полка. Но воз и ныне там...

Сегодня, как никогда раньше, Алла почувствовала, что с надеждами на приобретение статуса мадам Волошиной придется расстаться. Виктор был особенно вял и равнодушен — и это никак нельзя было списать на жару. В момент страстных объятий (чтобы изобразить эту страсть, ей пришлось заняться йогогической гимнастикой) ее любовник — ну что бы вы думали? — пялился ей за спину, на настенные часы! В сердце Аллочки вспыхнуло пламя сильнейшего негодования. Захотелось впиться ему ногтями в грудь, в плечи, в то, что называют мужским достоинством — особенно те субъекты, у которых подобных достоинств негусто... И вот на этого сухаря потрачено столько усилий? Которые остались напрочь не оценены... Ну что еще, ну какого черта ему надо?!

Но расцарапать Волошина значило потерять лицо. И самурай, который жил в Аллочке Комаровой, и на этот раз сумел ее удержать.

Зато, когда она вышла из подъезда и села в свою серебристую «Тойоту Короллу», эмоции нахлынули

полной волной. Как всегда в таких ситуациях, страшно захотелось есть. И если обычно стремление сохранить фигуру преобладало над эмоциями, сейчас Аллочка дала себе волю. Припарковала машину на боковой улочке, сбегала к ближайшему ларьку и купила два восхитительно недиетических, истекающих маслом чебурека. Снова устроившись в машине, вгрызлась в сомнительный продукт, точно оголодавшая хищница. В то время как мозг, привыкший к бухгалтерской точности и экономической безупречности, проделывал множество сложных вычислений...

Если Виктор продолжает упорно не реагировать на то, что предлагает ему Аллочка, это может объясняться двумя возможными причинами. Первое – она его чем-то не устраивает. Но чем? Сколько Алла ни анализировала все стороны, все нюансы их взаимоотношений, она так и не сумела найти ни единой своей ошибки. Значит, перейдем ко второму варианту: у него есть другая. И он смотрел на часы, потому что сразу после свидания с Аллочкой спешил к ней... Но кто же она? Алла методично перебрала в уме возможных конкуренток. Секретарша Ниночка отпала сразу: Виктор из тех мужчин, которые считают интрижки с секретаршами ниже своего достоинства. К тому же всей фирме известно, что Ниночка по уши влюблена в Мишу Грушинского. Лена Дроздова, ведущий специалист фирмы, которую Волошин ценил чуть больше всех сотрудников, тоже исключалась – у нее полгода длился головокружительный роман с бывшим клиентом их фирмы, известным актером, и, как поговаривали, дело

уже шло к свадьбе... Может, это Снежана, начальница отдела рекламы? Но она не во вкусе Виктора — полная и темноволоса, а он предпочитает худощавых блондинок...

Словом, никто из сотрудниц компании «АРК» не вызывал подозрений, но это, разумеется, ничего не значило. Разумеется, соперница могла быть где-то на стороне, и Аллочка ее не знала.

И тогда все становилось на свои места. Все приобретало вид простой, хотя и чрезвычайно обидный. Чуть не плача, Аллочка поглощала второй чебурек, не замечая, что тесто местами не пропечено. По пальцам тек жир, в какой-то момент она обожглась горячим бульоном, и это странным образом помогло восстановить душевное равновесие. Когда пропитанная маслом салфетка в скомканном целлофановом пакетике отправилась за окно машины, Алла окончательно пришла в себя.

И была готова к действию.

Вернуться — это пара пустяков! Ее не ждут — тем лучше! Заготовив правдоподобное объяснение («Я, кажется, мобильник забыла...»), Аллочка прошла мимо окошка консьержки. Видневшаяся за ним расплывшаяся пожилая дама в безвкусной синтетике голубоватых тонов (в таком возрасте пора бы уже одеваться скромнее!) одарила ее понимающей и, как показалось Алле, ехидной улыбкой. Чуть склонив голову и дежурно улыбаясь в ответ, Аллочка поднялась в лифте на четвертый этаж, вышла на лестничную площадку, позвонила в дверь...

Ее опасения подтвердились. Несостоявшийся жених, которого она каких-то двадцать минут назад оставила томным, расслабленным и, как это называется в литературе, в костюме Адама, стоял перед ней полностью одетый, явно готовый выйти из дома. И откровенно не обрадовался, увидев ее.

— Ты? Я думал, это Юра... Ты что хотела? — совсем нелюбезно поинтересовался Волошин.

Мобильник тут же был забыт.

— А куда это мы собрались? — пропела Аллочка, надеясь, что фраза прозвучит шутливо. Но, судя по тому, как ощетинился Виктор, шутливость в ее исполнении скорее напомнила ему тон ревнивой жены.

— Может быть, куда-то я и собрался, — по-наполеоновски скрещивая руки на груди, заявил Волошин. — Но докладывать об этом не обязан. Тем более тебе.

— Я просто думала... — она запнулась, потому что лишь сейчас обратила внимание на его одежду — вещи, как всегда, модные, известных брендов, но не новые, поношенные. Эти брюки она вроде бы видела на нем года три назад, в самом начале их отношений... А старой футболки вообще не помнит. С чего это он так вырядился?

— А вот я — не думал. Не думал, что ты меня отслеживаешь.

— Даже не собиралась! — Аллочка наконец-то вспомнила о своей отмазке. — Я где-то забыла сотовый. Посмотри — не у тебя?

— Не у меня. — Виктор так бегло окинул взглядом клочок доступного пространства, что стало ясно: про-

сек отмазку в первый же момент. — И вообще, я занят. Мне надо ехать.

— Ах да, конечно. Извини. Я пойду...

— Пока.

И захлопнул дверь. Раздосадованная Аллочка нажала кнопку лифта. Потом передумала и поплелась по лестнице пешком, медленно и осторожно, как беременная. Да ведь и вправду она вынашивала в себе самые трудные, самые важные слова...

«Ах так? Ты думаешь, я для тебя игрушка? Резиновая кукла, которой можно попользоваться и убрать в шкаф, пока она снова не понадобится? Нет, мой дорогой! Однажды в твое отсутствие — помнишь, когда тебе позвонил Валерка и вы едва ли не час протрепались о делах, — я многое успела посмотреть в твоём компьютере. И не только в компьютере. Это очень удобно, когда квартира такая большая... А услышав твои шаги, я сделала вид, что ничего не произошло.

Ничего и не произошло... Пока что. Но знай: ты у меня в руках. В любую минуту твоей благополучной, обеспеченной жизни баловня судьбы может настать конец...»

Но Аллочка не вернулась, чтобы бросить эти слова Волошину в лицо. Зачем? Сказав «а», пришлось бы говорить «б», а к чему ей выдавать свою тайну раньше времени? Самурай не обнажает меч без причины. Но если уж вынул его из ножен, то должен нанести удар.

Глава 4,

в которой типичный вечер знакомств
заканчивается совсем
НЕ ТИПИЧНЫМ ЗНАКОМСТВОМ

Для Виктора поведение Аллочки было настоящей неожиданностью — раньше она никогда не позволяла себе ни являться без спросу, ни задавать лишних вопросов. Он даже готов был рассердиться, однако, сев в машину рядом с Юрой, тотчас перестал думать об Аллочке и ее внезапно изменившихся манерах. Сегодня он вообще не ощущал потребности думать об Аллочке и обо всей скуке повседневности, частью которой была владычица финансов. Глава фирмы «АРК» Виктор Волошин остался где-то там, за захлопнутыми дверцами гардеробной, и теперь, так нежданно раздвоившись и почувствовав себя удобно в добровольно надетой маске, новый Виктор был рад неожиданному приключению, грозившему обернуться действительно чем-нибудь новеньким, принести свежее чувство авантюры в его размеренную и застоявшуюся жизнь.

Немного покружив по разморенной жарой Москве, они на удивление быстро отыскивали на Пречистенке нужный дом — обшарпанный трехэтажный особнячок дореволюционной постройки. Одна из дверей, похоже ведущая в подвал, и впрямь оказалась зеленой. Охранник хотел уже остановить машину рядом, поскольку места для парковки имелись, но хозяин тронул его за рукав:

— Нет-нет, Юра. Припаркуйся, пожалуйста, где-нибудь в переулке. Не хочу, чтобы по автомобилю и охране вычислили мой статус. Я здесь вроде как инкогнито.

— Не нравится мне что-то эта ваша затея, Виктор Петрович, — заявил Юра, выполняя распоряжение шефа и отъезжая подальше. — Мало ли что это окажется за клуб...

— Ну, вот схожу и узнаю, — резонно отвечал Волошин. — Да не волнуйся ты, я не собираюсь здесь задерживаться. Просто захотелось окунуться в какую-то новую атмосферу, покрутиться среди непривычного общества. Час-другой — и я выйду.

— Тогда вот что, — решительно произнес охранник, потянувшись за каким-то пакетом, лежавшим на заднем сиденье. — Я вообще-то думал, что вам это понадобится только после отпуска, но раз уж вы идете незнамо куда и незнамо с кем...

Он протянул Виктору узкий стальной браслет с кнопкой, вмонтированной в самом центре рифленого ободка.

— Что это? — спросил Волошин, с любопытством разглядывая вещь, производившую какое-то несерьезное, игрушечное впечатление.

— Новое охранное устройство. В середине — кнопка вызова, которую надо нажать в случае опасности. У меня такой же браслет, только со встроенным слабым электрошоком. Ежели чего — жмите кнопку. Я тут же почувствую легкое покалывание и пойму, что ну-жен вам.